

Они чуть что — сразу заявляют: «Я сын такого-то чиновника», «Я такой-то чиновник», «Я пришел по поручению господина такого-то». И это под носом у самого императора! За считанные дни столько людей, кичащихся своим положением, — Гу Хаоцин просто не мог в это поверить. Его представления о мире рушились на глазах.

— Молодой господин Гу, это послание от принцессы! — Гу Хаоцин, переполненный яростью, только успел сесть в свою привычную отдельную комнату, как в окно влетел ловкий стражник.

— Быстрее, давай сюда! — лицо Гу Хаоцина просияло, он поспешно выхватил письмо. Не заботясь о том, что в комнате кто-то есть, он сразу же его распечатал. В начале письма, разумеется, было длинное и цветистое описание того, как она по нему скучает. И лишь потом речь зашла о ресторане. Однако вместо долгожданного решения проблемы Гу Хаоцин обнаружил лишь совет: «Быть почтительнее с Ван Сянем и пока не провоцировать Гу Хаояня. Иначе даже она не сможет ему помочь».

Лицо Гу Хаоцина потемнело. Быть почтительным с Ван Сянем он мог — было бы идеально привлечь того на свою сторону. Хотя при первой же встрече Ван Сянь его прилюдно унизил, Гу Хаоцин понимал высокомерие членов императорской семьи. В конце концов, Янь Тан поначалу вела себя так же, но разве он не укротил её, сделав послушной? Но вот приказ не трогать Гу Хаояня, позволяя тому вечно стоять над ним, — как он мог с этим смириться?!

Гу Хаоцин глубоко вздохнул, кивнул стражнику и, взяв бумагу и кисть, принялся писать ответ. Конечно, он излил в письме всю свою пылкую любовь, а затем заверил принцессу Аньян, что исполнит её наказ и будет крайне осторожен. Он написал, что они с братом очень близки, поэтому никаких неприятностей не случится, и попросил её сохранять спокойствие во дворце, поскорее задобрить императора и добиться снятия домашнего ареста, чтобы они могли поскорее увидеться.

Запечатав письмо, он передал его стражнику. Проводив того взглядом, Гу Хаоцин помрачнел. Похоже, на принцессу Аньян пока рассчитывать не стоит. Барабанив пальцами по столу, он прищурился и вдруг увидел в окне знакомую фигуру в синем халате. Этот человек стал его ночным кошмаром; он узнал бы его, даже закрыв глаза. Гу Хаоцин поспешно спустился вниз.

— Брат, как же так? Проходишь мимо собственного ресторана и даже не заглянешь? Или после открытия «Чайной Юфан» еда в нашем ресторане тебе больше не по вкусу? — окликнул он Гу Хаояня, а когда тот остановился, поспешил догнать его. Однако стоило ему приблизиться, как дорогу ему преградили крепкие стражники.

— Хаоцин, что за слова? Блюда, приготовленные по твоим рецептам, хвалит даже сам император. Разве мог бы я ими пренебречь? — Цзи Фань слегка улыбнулся, и на его лице промелькнуло выражение досады. — Я просто спешу осмотреть окрестности столицы, выбираю место для «Чайной Юфан». Сам знаешь, я не создан для торговли. Создал эту чайную лишь ради удобства людей и своего собственного, а теперь вот — не могу остановиться, даже если захочу!

Гу Хаоцина чуть не стошнило кровью. В его ушах слова Гу Хаояня звучали как издевательство: мол, он вовсе не хотел заниматься бизнесом, но чайная сама собой превратилась в нечто грандиозное, и ему приходится продолжать вопреки желанию?! По сравнению с ним, который из кожи вон лез ради семейного дела, этот человек вызывал у него жгучее желание придушить его на месте.

— Брат, ты поистине удачлив, даже не прилагая усилий. Глядя на успех «Чайной Юфан», даже я начинаю завидовать! — Гу Хаоцин подавил раздражение и произнес порцию лести. Это было правдой: он действительно завидовал, завидовал до такой степени, что готов был убить.

— Всё благодаря покровительству Ван Сяня, иначе «Чайная Юфан» никогда бы не открылась. Ван Сянь большой гурман, и когда мы впервые встретились в ресторане семьи Гу, стоило мне обмолвиться словом, как это пробудило его интерес. В «Записках о древних краях» упоминалось место, где готовят самых настоящих раков в остром соусе, и уже на следующий день Ван Сянь отправился в тот городок. Так мы с ним и встретились — поистине, случайности не случайны, — Цзи Фань улыбнулся еще мягче, с удовольствием наблюдая за искаженным лицом Гу Хаоцина.

— Вот уж точно, совпадение так совпадение, ха-ха... — в глазах Гу Хаоцина блеснул холод. Если бы не эти слова Гу Хаояня, Ван Сянь ни за что бы не уехал. Возможно, он смог бы познакомиться с ним еще тогда, воспользовавшись блюдами ресторана. Даже если бы пришлось отдать рецепты, он бы заручился поддержкой Ван Сяня и не знал бы страха. Не говоря уже о развитии в столице — чиновники по всей стране открывали бы перед ним все двери! Всё это разрушил Гу Хаоянь!

— И не говори. Пойду выбирать место, поговорим по возвращении! — Цзи Фань согласно кивнул и, уже собираясь уходить, вдруг остановился. — Хаоцин, ты не помнишь рецепт пирожных с османтусом, которые я ел, когда жил в семье Гу? Это было мое любимое лакомство. Но после того как сменили повара, вкус стал совсем не тот.

— Пирожные с османтусом? — Гу Хаоцин был озадачен такой резкой сменой темы, но быстро взял себя в руки. Пирожные? Это те, что мать специально просила повара готовить для Цзи Фаня? В них добавляли особый ингредиент, поэтому они были ароматнее и слаще обычных. Но от них человек постепенно слабел. Несколько лет назад мать хотела лишь ослабить его, а не убить. А когда решила прекратить давать яд, то под предлогом смены вкуса просто уволила повара.

— Брат, ты же знаешь, я никогда не любил пирожные с османтусом. Я напишу матери и спрошу, — Гу Хаоцин прищурился, скрывая блеск в глазах. — Если будут новости, сразу сообщу.

— Тогда побеспокою тебя, Хаоцин, — Цзи Фань склонил голову, уголки его губ приподнялись. — Я так скучаю по тому вкусу...

Гу Хаоцин смотрел на профиль Гу Хаояня. Тот, кто всегда казался таким мягким, вдруг

приобрел некую зловещую ауру. Его слова прозвучали пугающе холодно. Лишь проводив брата взглядом, Гу Хаоцин опомнился. Должно быть, это его совесть нечиста! Он выдохнул: Гу Хаоянь не может знать о его планах!

Цзи Фань взглянул на свои бледные ладони, и его улыбка стала шире. Даже если каждый день воруешь, невозможно каждый день быть начеку — он просто решил выманить змею из норы. Его походка оставалась уверенной, он направлялся к городским воротам.

За воротами его ждала роскошная карета. Стражники, увидев его, не бросились навстречу, а направились к экипажу. Улыбка на губах Цзи Фаня стала искренней. Едва он открыл дверцу, как его втянули внутрь.

— Император так быстро отпустил тебя из дворца? — Цзи Фань взглянул на Янь Сяньфэя, который еще не успел снять официальное облачение.

— Хм? У императора полно государственных дел, он не может целыми днями болтать со мной, — Янь Сяньфэй, вспомнив, как бросил государя ради «погони за женой», не захотел продолжать эту тему. Он окинул Цзи Фаня взглядом и, убедившись, что тот в порядке, отвел глаза. — Я выбрал место для чайной. Тихий городок, недалеко отсюда. Съезди, посмотри, если не понравится — найдем другое!

— Хорошо! — Цзи Фань не стал расспрашивать. Он никогда не лез в дела императорского двора.

— Гу Хаоцин в последнее время столкнулся со множеством проблем в столице, слышал? — Цзи Фань листал планы своих подчиненных по строительству чайной. Для лидера самое опасное — взваливать всё на себя. Это не только изматывает, но и делает подчиненных безынициативными роботами. Нужно давать им пространство, чтобы они чувствовали причастность к общему делу, словно к собственному ребенку.

— Это просто мелкие сошки развлекаются в ресторане семьи Гу. Даже без помощи Аньян у Гу Хаоцина достаточно причин для головной боли! — Янь Сяньфэй тоже смотрел в бумаги. Он думал о том, как сделать чайную идеальной, где он может немного помочь. Услышав голос Гу Хаояня, он естественно перевел взгляд на его лицо.

Гу Хаоянь не поднимал головы, он был предельно сосредоточен. Его мягкость немного притупилась, но не сменилась холодностью. Такой, спокойный, он казался еще более безвредным, чем в образе книжника. Однако Янь Сяньфэй знал: Гу Хаоянь — далеко не безобидный агнец.

— Это твоих рук дело, — Цзи Фань улыбнулся. С его способностями подпортить жизнь Гу Хаоцину было легко, но в чиновничьих кругах пара слов Янь Сяньфэя значили больше, чем все

усилия Гу Хаояня.

— Я проявил милосердие: всего лишь несколько дней назад отправил туда пару ребят пошуметь. Всё равно без дела сидели, пусть хоть займутся чем-то полезным! А всё остальное — уже не моё дело! — Янь Сяньфэй говорил, что это не его дело, но в его улыбке не было ни капли искренности.

— Хм? Оказывается, ты приложил руку?! Тебе стоило лишь показать, что он тебе неприятен, и нашлось бы немало желающих досадить ему, лишь бы услужить тебе! Зачем было марать руки? — Цзи Фань тут же разоблачил его. Будучи Ван Сянем, дядей самого императора, он снизошел до того, чтобы лично расправиться с торговцем без связей!

— Так эффект лучше. Теперь у Гу Хаояня столько дел, что он едва справляется, — Янь Сяньфэй отвел взгляд. После его вмешательства те, кто хотел выслужиться, начали травить Гу Хаоцина, словно игрушку.

— Хм? — причина казалась правдоподобной, но Цзи Фань не верил. Неужели, если бы Ван Сянь не вмешался лично, а просто отдал приказ, кто-то посмел бы послушаться?

— Я и не собирался вмешиваться. Просто... не сдержался! — в глазах Янь Сяньфэя мелькнул холод, он положил руку на плечо Гу Хаояня. — Он посмел посягнуть на твою жизнь, даже яд приготовил. Если бы я не следил за каждым его шагом, я бы не узнал. Если бы... Хаоянь, не слишком ли ты добр к своему младшему брату?

Если бы тот преуспел с ядом, Янь Сяньфэй боялся даже представить последствия.

— Добр? — Цзи Фань отбросил бумаги и, встретившись взглядом с Янь Сяньфэем, приподнял бровь. — Ты уверен, что это слово применимо ко мне?

— Конечно, те ученые мужи только и твердят о твоей доброте и милосердии! — Янь Сяньфэй усмехнулся. В глазах общества он был святым. Люди верят в то, что видят, и редко задумываются, что скрывается под сахарной глазурью. По крайней мере, пока эта глазурь не причинит им вреда, никто не хочет верить, что внутри может быть смертельный яд.

— И ты веришь? — Цзи Фань усмехнулся. Люди видели лишь ту сторону, которую он позволял им видеть.

— Я, конечно же, не верю! — Янь Сяньфэй улыбнулся еще шире. Сейчас он был единственным, кто видел истинное лицо Гу Хаояня, скрытое за маской добродетельного мужа. Это было его честью и, он верил, его счастьем на всю жизнь.

Цзи Фань бросил на него многозначительный взгляд. Янь Сяньфэй почувствовал, как в этом взгляде промелькнула опасность. Но в его глазах это выглядело не пугающе, а напротив —

словно Гу Хаоянь намеренно его соблазняет.

Янь Сянфэй знал, что перед Гу Хаоянем у него нет никакой выдержки. В его взгляде вспыхнула ответная опасность. Человек, знающий Цзи Фаня, поймет: тот никогда не отступает перед силой. Приняв вызов, он лишь расслабился в позе, но взгляд его стал острее. Вся мягкость исчезла без следа. Тот, кто видел его таким, никогда не принял бы его за беззащитную овечку.

Янь Сянфэю показалось, что у него занемела шея — чувство куда более острое, чем при виде любого лакомства. В животе не было голода, но он жаждал поглотить этого человека целиком. Он сглотнул, его кадык дернулся. Он протянул руку, прижав Гу Хаояня к стенке кареты. Стоило приблизиться еще немного... и он получил бы желаемое. Впился бы в эти бледные, но такие полные губы, попробовал бы на вкус нежную кожу.

Цзи Фань наконец понял, что Янь Сянфэй не собирается соревноваться в темпераменте — он сам вел себя так, как когда-то вел себя с ним. В глазах Янь Сянфэя не было желания разрушить, скорее — подавляющее чувство собственности. Цзи Фань подсознательно положил руку на грудь Янь Сянфэя: сердце билось ровно, как всегда. Неужели что-то не так?

— Ты умеешь контролировать сердцебиение? — Цзи Фань всегда считал, что взгляд можно подделать, а сердце — нет. Но сейчас сердце Янь Сянфэя билось пугающе спокойно. Янь Сянфэй не стал бы использовать свои чувства как разменную монету, да и Цзи Фань не страдал манией величия, чтобы считать себя достойным такого сложного плана. Значит, самое невероятное объяснение — самое верное.

— Секретная техника императорской семьи, — Янь Сянфэй не стал скрывать.

Вот оно что... Цзи Фань мгновенно всё понял. Так называемая дружба между благородными мужчинами? Он сам позволил ослепить себя «тонкой вуалью», но теперь, когда всё стало ясно, было еще не поздно.

— Ван Сянь, молодой господин Гу, мы на месте! — карета остановилась, стражник постучал в дверцу.

Цзи Фань приподнял бровь и оттолкнул Янь Сянфэя. Его пальцы скользнули с груди к губам Янь Сянфэя. По его голосу трудно было понять, о чем он думает:

— Янь Сянфэй.

— М? — голос Янь Сянфэя был хриплым, как звук виолончели, сохранившим свою врожденную аристократичность.

Цзи Фань весело улыбнулся, его взгляд медленно переместился с опасных глаз вниз... и в тот момент, когда Янь Сянфэй был готов потерять контроль, он произнес:

— Пора выходить. Хочу посмотреть, какое место ты выбрал для чайной.

— ... — Янь Сяньфэй почувствовал, будто его пыл окатили ведром ледяной воды. Взгляд стал еще опаснее, но он ослабил хватку. Конечно, он не собирался просто так его отпускать. Было очевидно: Гу Хаоянь всё понял, но намеренно водит его за нос.

В душе, помимо раздражения, была радость. Такая реакция означала, что Гу Хаоянь не отвергает его чувств, возможно, даже наслаждается ими. Однако внешне он не показал ни капли радости:

— Гу Хаоянь, ты знаешь, кто я. Раз уж посмел так провоцировать меня, должен знать и последствия!

В словаре Янь Сяньфэя не было слова «отпустить». То, что он хотел, должно было принадлежать ему. С самого детства его учили именно этому. А в глубине души звучал голос: всё, на что он положил глаз, принадлежит ему. Даже если это целый мир!

— Ван Сянь, ты тоже должен знать меня. Я всегда обдумываю последствия, прежде чем действовать, — улыбка Цзи Фаня не изменилась. Он всегда всё просчитывал. Поэтому... он будет наслаждаться чувствами Янь Сяньфэя, но никогда не отдаст взамен того же.

Он ясно осознавал: чувства, которые он получает, существуют лишь в этом мире, который для него самого — лишь «сон наяву». Отдавать всё в такой ситуации было бы неразумно. Цзи Фань не любил, когда затраты превышают прибыль.

Янь Сяньфэй казался ему диковинным сокровищем, найденным в этом мире, и сейчас он был ему очень интересен. Но как жемчужина, которая перестает удивлять спустя пару дней, он не мог гарантировать, что будет помнить о нем после того, как покинет этот мир.

Услышав его слова, Янь Сяньфэй наконец смягчился. Он долго смотрел на него, затем улыбнулся и вышел из кареты. Выходя, он по привычке протянул руку, чтобы помочь ему, но на сей раз не отпустил его ладонь, когда тот оказался на земле.

Цзи Фань, казалось, не видел ничего странного в том, что они держатся за руки. Под длинными рукавами их пальцы были переплетены. Они стояли почти вплотную, их дыхание смешивалось. Казалось, никто и ничто не могло вклиниться между ними. Эта атмосфера заставила стражников отвести взгляды. Некоторые вещи можно понимать в душе, но на людях проявлять их так открыто было нельзя.

Цзи Фань осмотрел окрестности. Выбор Янь Сяньфэя был действительно хорош. Место было уединенным, как и описывалось в одном из дневников путешествий. Янь Сяньфэй умел угодить. Чайная всегда строилась в глухих городках, но не слишком далеко от столицы. Если слишком далеко — высокопоставленные чиновники не поехали бы. Возможно, здесь не самый красивый пейзаж, но это идеальное место для «Чайной Юфан».

— Место отличное. Скоро Гу Хаоцину не поздоровится, — Цзи Фань кивнул. Как только чайная заработает, её процветание вызовет у любого зависть.

— Береги себя! — Янь Сяньфэй крепче сжал его руку, выражая поддержку. Что бы тот ни задумал, он безоговорочно на его стороне.

— Я буду. А если не справлюсь — разве у меня нет тебя? — сказал Цзи Фань, глядя вдаль.

— Да, у тебя есть я.

<http://bllate.org/book/21685/2236750>